

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

Причин, по которым люди вдруг начинают писать строчки в рифму, существует великое множество: от несчастной любви до юбилея начальника. Люди краткие и мечтательные пишут по ночам элегии, подвижные и громогласные – едкую сатиру. Впрочем, возможны исключения.

Борис Миркин – человек мирный и тихий, по образованию фармацевт, а пишет филиппики, обличающие политиков всех мастей и окрасов. Занимается он этим неблагодарным делом лет так 30, не менее.

В уже подзабытые семидесятые записывал он свои сочинения в тетрадочку и никому, кроме близких друзей, не показывал. Генеральные секретари и прочие большие начальники, само собой, о существовании Миркина, равно как и о его несогласии с решениями правящей партии, и знать не знали. Зато, как это нередко бывало в те времена, благодаря одному из друзей о странном увлечении узнали те, кто охранял государственную безопасность от всяких ненужных волнений. На дворе стоял 1981-й год. Строки Бориса, например, о войне в Афганистане:

Когда-нибудь все матери убитых
И искалеченных предъявят грозный счет,
И эту власть людей бессовестных и сытых
Преступной сворой назовет народ.

или о Брежневе:

Утянешь с собою ты все ордена,
Какими себя наградил?

были признаны антисоветской агитацией и пропагандой, совершенной в целях подрыва существующего строя. Статья 70-я часть 1-я – три с половиной года лагерей строгого режима. Так что за свое тихое увлечение Миркину пришлось заплатить сполна. Это, однако, его не остановило. Не зря говорится: «охота пуще неволи», перестать рифмовать Борис Савельевич даже и не пытался. А поскольку пишет он, как певец степей, только о том, что видит, а видит он в основном портреты очередных "слуг народа", то из-под его пера по-прежнему выходят строки, посвященные то скандальным политическим событиям, то очередному правительству, то известному депутату Госдумы.

Он шут на сцене и в душе,
Нет для него ни в чем запрета.
Он – как пирожное буше –
Темно-коричневого цвета.

Или:

Врагов искал всегда он и везде,
В родном kraю и даже в целом мире,
Чтоб замочить их при большой нужде
В одном огромном пакостном сортире.

После освобождения вернуться на прежнее место в военную академию с его статьей нечего было и думать. Борис пошел работать по своей второй профессии – токарем. Так по сию пору и стоит за станком. Реабилитировали его среди политзеков одним из первых. Даже компенсацию за моральный ущерб выплатили, но писать, все равно, не отучили.

Времена меняются, политики – тоже, только Миркин верен себе и своей неизменной тетрадке. «Ой, Боря, смотри, опять посадят», – говорят ему знакомые. Но для Миркина привычка рифмовать, пожалуй, уже не хобби, это уже – судьба.

Елена Тубянская.

Биографическая справка.

Миркин Борис Савельевич родился 30 сентября 1937 года в Ленинграде. В июле 1941 года семья (мать и трое детей) эвакуировалась в город Яранск Кировской области, а отец ушел на фронт и служил в Отдельном морском зенитном дивизионе города Кронштадта.

После возвращения в Ленинград Миркин окончил в 1955 году школу № 31, затем техническое училище. Работал токарем на заводе им. Калинина. Отец демобилизовался в 1946 году и по возвращении в Ленинград работал портным в ателье. Умер в 1964 году. Мать – домохозяйка, умерла в 1986 году.

В 1959 году Борис Савельевич поступил в Химико-фармацевтический институт, который окончил в 1964 году. Работал провизором в аптеке города Зеленогорска, затем старшим лаборантом в одной из научно-исследовательских лабораторий Военно-медицинской академии им. Кирова. Являясь членом месткома по культурно-массовой работе (культторгом) НИЛ № 1 ВМА, в начале 1970-х стал писать поздравительные и юбилейные стихи, а затем и на политические темы. Первым "политическим" стихотворением была "Баллада о присвоении". В мае 1981 года по доносу одного из "друзей" был арестован органами КГБ. ~~28~~ – 29 августа 1981 года ~~осужден~~ Ленинградским Городским судом по ст. 70 ч.1 к 3,5 годам лагерей строгого режима за антисоветскую агитацию и пропаганду. Срок отбывал в 35 и 37 зонах Пермских лагерей. Вместе с Миркиным в Пермских лагерях находились Анатолий Тихонович Марченко (автор целого ряда произведений о советских тюрьмах и лагерях, издаваемых на Западе, за что и получал сроки 6 раз) и известный правозащитник священник Глеб Якунин.

Даже в зоне Борис Савельевич продолжал писать свои стихи, записывая их между строк стихов известных поэтов, переписываемых им в общие тетради. Лагерная цензура не углядела подвоха и при освобождении вернула все тетради со стихами.

После освобождения вернулся в Ленинград. Устроиться на работу по своей основной специальности с "политической" статьей нечего было и пытаться, поэтому он стал работать токарем на заводе "Красный выборжец", где работает до сих пор.

55 1325
319, 945мт

1989 муз -

"пур" (обрат)
заготовки фронту

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

АФГАНСКИЙ ЦИКЛ

ПУТЬ НА ЮГ

Опять я слышу грохот барабанный,
Призывный звук трубы, зовущий в мир иной.
Раздавлен и разбит путь старый караванный
Колесами машин и танковой броней.

В стремительный набег, как в времена былые,
Вломились мы без спроса, как враги,
Народу той земли ненужные, чужие,
Презрев законы их, жестоки и строги.

Зачем нужны, ответь, здесь, на седом Востоке,
Иллюзии надежд и сказки чуждых стран?
У них свои дела, и боги, и пророки.
Зачем нам лезть туда, где царствует Коран?

Зачем везут в афганские долины
Из муромских лесов и пензенских степей,
Из шумных городов в теплушках грязных, длинных,
Как стадо на убой дивизии парней?

Когда-нибудь все матери убитых,
Всех искалеченных предъявят грозный счет,
И эту власть людей, бессовестных и сытых,
Преступной сворой назовет народ!

Ужель я доживу до той счастливой доли?
Иль, может быть, сойду в могильный черный мрак.
Но знаю я одно, что не видать нам воли,
Пока сидит на золотом престоле
Большой мошенник и пустой дурак.

Январь – февраль 1980 г.

Первое стихотворение афганского цикла. Написано после ввода советских войск и убийства президента Афганистана Амина 27 декабря 1979 года.

* * *

Любителю муз и служителю Марса

Заслышиш звук трубы военной,
Восстань от сна, друг милый мой,
Забудь красоты́ вселенной,
Спеши туда, где тяжкий бой.

Спеши туда, где музам дивным
Нет места средь высоких гор,
Спеши, неси селеньям мирным
Войну, пожары и раздор.

Спеши, лети на пир кровавый,
Где стая воронов кружит
Над полем боя, где без славы
Ты будешь пулею убит.

И в дом письмо примчится птицей;
В нем незнакомою рукой
Казённый текст: «Здесь, за границей
Погиб ваш сын за край родной».

Какая ложь! Какая подлость!
В обман народ мой вовлечён,
Забыты честь его и гордость,
В разбое миром уличён.

В войну, Отчизну защищая ,
Погибли дед твой и отец,
А ныне ты, защитник края,
"Коммунистического" рая,
Приемлешь скорбный их венец.

Март 1980 г.

Второе стихотворение из цикла об афганской войне было написано на день рождения сослуживца по Военно-морской академии. Это одно из списка крамольных стихов, за которые Б. Миркин получил срок.

* * *

Высоцкому В.С.

Рубикон перейдён и мосты сожжены,
Позади только трупы и камни-руины,
Впереди нас – дороги проклятой войны
В пятнах крови людской, словно это рубины.

Не улыбки встречали нас в чужой стороне,
Не хлеб-соль нам несли на серебряном блюде,
Только пули свистели в ночной тишине,
Да проклятия слали афганские люди.

Мы добудем победу любою ценой,
Как велела с тобой нам Отчизна родная,
И "поможем" народу обрести здесь "покой",
Все вокруг кишлаки громя и сжигая.

Кто вернётся живым из похода на юг,
Будет помнить всегда эти дикие склоны,
Где под градом свинцовых метелей и выног
Шли в атаку на смерть молодых батальоны.

Кто ответит за этот безумный наш шаг,
Кто ответит за жизни их молодые?
Где скрывается этот наш истинный враг?
Здесь его не ищи, он в далёкой России.

Март – апрель 1981 г.

Третье стихотворение из афганского цикла и последнее в списке тех, за которые был арестован органами КГБ. Оно стало потом песней в духе Высоцкого (горные песни из кинофильма "Вертикаль").

ПОКАЯНИЕ

Посвящается Алексею Румянцеву

Я не был там , и всё же я убийца,
Я не был там, и всё ж держу ответ
За всех солдат, кого ^{тут} моя столица
Послала завоёывать там свет.

Я не был там, и всё ж на сердце рана,
Я не был там, и всё ж в груди тоска
За всех убитых там, в горах Афганистана,
Кого прикрыла вечности доска.

За всех убийц, вернувшихся оттуда,
За всех калек, вернувшихся домой,
Держу ответ, как будто я – Иуда,
Христа-Спасителя прёдавший с головой.

Держу ответ за тех, кто, словно воры,
Ворвались на рассвете в горный край.
Использовав их вечные раздоры,
Команду дали: "Жги и убивай!"

Держу ответ за тех, кто в кабинетах
Вынашивают планы чёрных дел,
В машинах разъезжая как в каретах,
А нам готовят подлости удел.

Держу ответ за всё, что в жизни было,
Держу ответ за всё, что в мире есть.
Молю Судьбу, чтобы меня забыла
Старуха злая – роковая месть.

8 – 9 августа 1989 г.

МЫ ВЫШЛИ...

Мы вышли к границе... Россия, встречай.
Оркестры, прошу вас, молчите.
Ушли мы живыми. Афган же – прощай,
И нас, если можно, простите.

Простите нас, горы, за этот приход –
Гостями незваными были.
Прости нас, свободный афганский народ,
За всё, что мы здесь натворили.

Не радость и счастье мы вам принесли,
А гибель людей, разоренье.
Прислали сюда нас в безумье вожди,
И нет им за это прошенья.

Не все из похода вернулись назад,
Не всех повстречали родные:
В свинцовых гробах наши мальчики спят
В погостах огромной России...

А кто же ответил за этот позор,
Войну посчитавший игрою?
Надежно укрыл его красный забор,
Что назван кремлевской стеною.

Февраль 1989 г.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ДО ОСУЖДЕНИЯ

Б А Л Л А Д А О П Р И С В О Е Н И И

Под грохот барабана и оркестра рёв
Опять кого-то с шумом превозносят,
С лакейской щедростью кому-то из "Богов"
Звезду Героя просто так подносят.

За то, что он родился, долго жил,
За то, что словно сыр катался в масле,
За то, что он по мере своих сил
По трупам пробирался к власти.

За то, что бодро языком трепал
Во многих странах, континентах,
За то, что беззастенчиво он лгал
В газетах, книгах, кинолентах.

За то, что брал он всё, что можно,
За то, что брал и что нельзя –
За это любим мы героя,
За это славим мы вождя.

Ильич – наш бог, Ильич – наш гений ,
Ильич – отец Вселенной всей!
А может, дать ему по шее
Или прогнать его взашей?

Готовы всё ему отдать,
Готовы всё ему навесить.
А может, проще эту б...
На Красной площади повесить?

9 мая 1975 г.

Написано в момент присвоения "верному ленинцу" Л.И. Брежневу
звания Героя Советского Союза.

Светичке

Как стыдно лепет стихотворный
В ваш храм поэзии святой
Нести и знать, что суд позорный,
Быть может, грянет надо мной.

Нести и знать, что божья кара
Постигнет каждого из нас,
Кто без божественного дара
Коснуться смеет дивных фраз,

Кто без любви, без вдохновенья,
Одним тщеславием томим,
От строчки к строчке без волненья
Бредет, как жалкий пилигрим.

И я в мученьях стихотворных
Связать пытался с нитью нить,
Но тщетно – в муках неприворных
Не смог я ничего сложить.

Напрасны были ожиданья:
Ни новых мыслей, ни идей
Не родилось в душе моей.
Я пуст...

Ноябрь 1975 года

К И. И. Л.

Когда-нибудь, когда я позабуду,
Когда не стану больше вспоминать
Предавшие меня твои глаза и губы,
Заставившие так меня страдать,

Когда очнусь от нестерпимой боли,
Воспряну вновь от гибельной тоски, –
Я буду только рад, что избежал неволи,
Которую готовила мне ты.

Живи, как знаешь, я ~~весь~~ не помеха,
Покину навсегда твой милый чудный рай,
А ты, мой друг, другой объект для смеха
И ~~своих~~ шуток в жизни выбирай.

Меня ж уволь, я в том тебе не пара,
Шутов на свете хватит без меня,
Я полностью лишён комического дара,
А без него шутов играть нельзя.

Июнь 1976 года

К * * *

Прости мне глупое желанье,
Я знаю, мне не суждены
Ни прелесть милого свиданья,
Ни боль разлук, ни ожиданье –
Навек с тобой расстались мы.
О чем мечтал, к чему стремился –
Рассыпалось в единый миг,
И образ твой, как солнца лик,
Исчез, как будто испарился.
Мечты, надежды – всё обман,
За них и грош я ломаный не дам.

Июль 1977 года

К Т. К – ой

Порви связующую нить,
Что нас с тобой соединила –
И сразу станет нечем жить,
А жизнь покажется постылой.

Исчезнут радость и покой
Из наших слабых душ мгновенно,
Но всё, что связано с тобой,
Пребудет в памяти нетленно.

Воспоминаний чудный рой
Больную душу мне ласкает,
И образ милый и родной
Из прошлых лет вдруг оживает.

Я вижу вновь твои черты,
Я слышу вновь твоё дыханье,
Из тьмы выходишь снова ты –
Моё прелестное созданье.

О, как мне жаль ушедших дней!
Их не вернуть назад нам боле.
Опять один я, как в неволе,
В неволе гибельных страстей.

1972 год

ПОРТРЕТЫ ВОЖДЯ

На каждом углу, перекрестке, и в нише,
На стенах домов, на заборах, в афише
Портрет человека и в профиль, и в фас,
Того, что тиранит и мучает нас.

Портреты того, кто родную державу
Давно превратил в свою землю по праву,
А право одно признаёт он всего:
Ему угоджать и лизать кой-чего.

И всё окруженье, друзья и подруги,
Все служат ему, как лакеи и слуги,
Его превозносят, осанну поют,
Как богу земному ему воздают.

А он же, купаясь в лучах этой славы,
Все пьёт – не напьётся всей этой отравы.
Но часто бывает: порой, на досуге,
Замрёт его сердце в каком-то испуге.

И вдруг он захочет от славы столь сладкой
Исчезнуть куда-то так тихо, украдкой.
Но крест свой нести до конца ему надо,
И смерть ему будет достойной наградой.

1979 год

1 МАЯ 1980 ГОДА

Транспаранты, знамена, портреты –
Как мы любим весь этот трезвон!
Нашей жизни пустой амулеты,
Бубенцов золотой перезвон.

Мы живём в этой жизни беспечно,
По указке "творим чудеса";
Ах, как годы летят быстротечно,
Но всё тише звучат голоса.

По указке смеёмся и дышим,
По указке и плачем порой,
Спину гнем перед теми, кто выше,
По приказу идем на разбой.

1980 год

В приговоре это стихотворение фигурировало как подрыв социалистического строя.

В. Высоцкому

Ты пал в бою в борьбе со злом,
Забыв, что зло непобедимо.

Ты жизнь свою связал узлом
С большою совестью гонимой.

Она тебя свела с ума,
Сожгла дотла тебя, как Жанну,
Ты ею выпит был до дна,
Как долго жил ты – даже странно.

Как долго ты терпел, поэт,
Людей ничтожных оскорбленье,
В теченье стольких долгих лет
Их высочайшее презренье.

Ты песни пел, срываясь в крик,
Взывая к чувствам обостренным,
Но вдруг упал, споткнулся и затих,
Как бы ступив на провод оголённый.

И торжествует зло во всей красе,
И давит тяжко на хребет и плечи,
И как-то горько стало сразу всем,
Что ты ушел почти что не замечен.

Но голос долго будет нам звучать,
Записанный на диски и кассеты,
И сердца боль никак нельзя унять.
Прощай, поэт моей большой планеты.

Жанна д'Арк

Август 1980 г.

* * *

Заплёвана, загажена
Дорога в светлый рай,
Из диких брёвен сложена,
Из самых крепких свай.

Колючкою опутана,
И вышки по углам,
А на душе так муторно –
В стране кругом бедlam.
~~Всё ужасно~~

*Я сам
и я среди изгнан*

Гнило в болотах вечности,
И лес валю зимой,
И так до бесконечности
Всё длится "праздник" мой.

И срок никак не кончится,
Пусть даже выйду в свет.
Проклятая бессонница –
Мне сна-покоя нет.

1980 год

Написано после прочтения книги А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича".

ПОЭТУ

Скажи мне, бедный мой поэт,
Зачем тебе твой стих крылатый?
Он не заменит твой обед,
Не защитит тебя, как латы.

Увы, вся наша жизнь – обман.
Мы помним времена лихие,
Когда жестокий наш тиран
Ссыпал людей на край России.

В сибирский холод рудников,
В леса безбрежные, как море,
В болота с тучей комаров,
Где погибали они вскоре.

Так сотни, тысячи людей...
Прошли они все муки ада,
Теряли жен своих, детей,
И думали, что так и надо.

В войну "За Сталина! Ура!" –
Бежали в бой они, в атаки,
И штурмом брали города,
И умирали, как собаки.

Сейчас иные времена,
Иные идолы и боги,
У них другие имена,
Но все они... с большой дороги.

Февраль – март 1980 г.

* * *

Нахапал ты много, отец наш родной,
Когда же умеришь свой пыл?
Иль, может быть, в темень могилы сырой
Утянешь, что в жизни добыл?

Утянешь с собою ты все ордена,
Какими себя наградил
За разные подлые в жизни дела,
Которые ты совершил.

За то, что ограбил народ свой вконец,
За то, что давил и душил,
О, дай тебе, Боже, достойный конец,
Ты "честно" его заслужил.

1979 г.

* * *

Единожды смолчавший,
Единожды соглавший,
Единожды продавший
Не станет честным вновь.

1980 г.

М А М Е

Развились кудри мамы милой,
Покрылись снегом прошлых лет,
Избороздили лоб морщины,
Потух в глазах горячий свет.

Но я не вижу перемены :
Всё так же дивно хороши,
Всё так же вечны, неизменны
Порывы добрые души.

Всё так же светит нам в тумане
Улыбка нежная всегда,
Я верю, знаю, не обманет
Та путеводная звезда.

Я знаю, не иссяк с годами
Родник её любви святой,
Он навсегда пребудет с нами,
Он – словно ключик золотой.

Он с нами в радости и в горе,
Опора в жизни непростой,
Желанный берег в бурном море,
Оазис с чистою водой.

Он в лютый холод обогреет,
И напоит в июльский зной,
И даже время не развеет
Костёр любви её большой.

Февраль 1980 года
На день рождения мамы.

* * *

Все люди смертны: и бедняк, и царь –
Никто здесь в мире не живёт веками.
Сегодня ты ещё наш государь,
А завтра – прах под нашими ногами.

Сегодня ты нас учишь в "правде" жить,
Кричишь с трибуны о "мире" исступлённо,
А завтра по тебе кто будет слёзы лить
Или глядеть так на тебя влюблённо?

Лиши только у тебя закроются глаза
И бледность смертная твои покроет члены,
Поверь, не брызнет над тобой слеза,
А от друзей коварных жди измены.

Они покинут мёртвого "царя",
Хоть был для них ты жизненной опорой.
Исчезнут, ничего не говоря,
Скорее спрятаться куда поглубже, в норы.

Но вот пройдёт всего короткий срок,
И воссияет новое "светило", –
Они придут, улягутся у ног,
И повторится все, как много раз уж было.

1980 г.

Это стихотворение входило в список "арестованных" стихов.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЗОНЕ

* * *

Всё правда, нет ни капли лжи
В стихах, написанных моей рукою.
Откуда ж крик: "Ату его! Держи!"
И чувствую я свору за спину.

Как дикий зверь, я загнан за фляжки,
Собачий лай рвёт надвое мне душу,
Вовсю трубят охотничьи рожки,
Но я не отступлю перед бедой, не струшу.

С набитой "мордою" решетка¹ на окне,
И дверь захлопнулась за мной, как крышка гроба,
И тусклый от свет солнца на стене –
Открылась в мир иной моя дорога.

— я могу не решётке, например в окне, видеть, как уходит во дворе тюремщи.

Написано в камере Внутренней тюрьмы КГБ на Шпалерной улице, куда
Б. Миркин попал 6 мая 1981 года.

¹ "Намордником" называются жалюзи, которые одеваются на решетку окна в камере, чтобы заключенные не могли увидеть людей, совершающих прогулку во дворе, а только кусочек неба.

* * *

Проходит жизнь впустую, в одиночку,
Бежит быстрее, чем степной джейран.
Подходит срок, пора поставить точку,
К концу подходит жизни караван.

О, как ты был велик, правитель македонский!
Полмира ты низверг, он под твоей пятой.
Но вот подкралась смерть, втихую, по-шпионски,
И увела тебя безмолвно за собой.

О, как ты был силён, о Тамерлан могучий!
И сколько в мире стран ты силой покорил.
Но смерть пришла к тебе мрачнее чёрной тучи, –
И ты уже исчез, как будто и не жил.

О, как ты был умён, Наполеон везучий,
И как старался ты перехитрить свой рок,
Но всё же не ушёл от смерти неминучей,
Когда пошёл в поход с войсками на Восток.

О, где же вы теперь, владельцы Вселенной?
И где ваш этот мир, чем грезили тогда?
Промчались, словно сон, дни вашей жизни бренной,
А что осталось вам? Лишь прах и пустота.

352 зона 1981 год

* * *

Бойтесь данайцев, дары приносящих,
Бойтесь людей, как собаки скулящих,
Бойтесь друзей, вас во всём предающих,
Бойтесь дающих и бойтесь берущих.

Бойтесь ногами придавленных змей –
Змеи кусают всех в мире больней;
Бойтесь разящего в сердце кинжала
Иль языка, как осиное жало.

Бойтесь измены, коварства, любви.
Праведный Боже! Спаси! Сохрани...

35 лет 1981 год

* * *

Я с детства ненавидел ложь,
Она душе моей претила.
Одна лишь правда – свет и сила,
Как будто в сердце острый нож.

Я ненавидел тех, кто лжёт
С трибуны, с кафедры, с амвона,
Кто сказки ложные барона*
За правду дерзко выдает.

Кто вдаль зовёт, не зная цели,
Кто в рай ведёт, не зная троп,
Кто знает лишь атаку в лоб,
Чтоб люди вряд ли уцелели.

Увы, лжецы живут и ныне,
Предпочитая правде ложь.
О, сколько в мире наглых рож,
Тех, у которых ложь – святыня.

35 июня 1982 год

* Барон Мюнхгаузен, известный рассказчик "правдивых" историй.

ЛЮДИ ИЩУТ ПРАВДУ

Люди ищут Правду,
Тратят жизнь и силы,
Видно, им без Правды
Жить невыносимо.

Видно, им без Правды
Тошно жить на свете.
Верят люди в Правду –
Взрослые и дети.

Для одних та Правда,
Что вода в пустыне,
Для других вся Правда
Лишь вино в кувшине.

Для одних та Правда
Словно свет в окошке,
Для других вся Правда
В мясе и картошке.

Люди ищут Правду,
Истоптали ноги,
Обошли всю землю,
Все пути-дороги.

Переплыли реки,
Перешли все горы.
Ищут люди Правду
В небесах и в море.

Эй, вы, правдолюбцы!
Не плывите в море,
Правда в нашей жизни,
В радости и горе.

Не летите в небо
Вы за синей птицей,
Правда в нашем деле,
Что должно свершиться.

Не спешите в горы,
Вы не альпинисты.
Правда только честным
И с душою чистой.

35 лет 1982 год

В Р О Д Е Б А С Н И

Издохла у Бога однажды скотина,
Не выдержав, видно, ударов судьбы.
Мы к Богу с вопросом: «Ответь, в чём причина –
В живых вдруг остались одни только мы?»

Ведь мы тоже скот в твоем ангельском стаде,
Не часто хвалу мы тебе воздаём,
Порою бываем с тобою в разладе,
Но звери издохли, а мы вот живём».

Ответил Господь нам: «Вы Дьявола дети,
Вы грязных, бесчисленных пороков полны,
От всяческих бед и несчастий на свете
Они защищают вас крепче брони».

35^й зона 1982 год

* * *

Всё стремительно проходит –
День, неделя, месяц, год.
Счастье где-то тихо бродит,
Нас с тобою всё обходит,
К нам дороги не найдёт.

Норовит всё узкой тропкой
Да дорожкою лесной,
Тонкой ниточкою робкой
По траве пахучей, топкой
Обойти нас стороной.

Заплуталось счастье наше
Меж деревьев и кустов,
Средь цветов, что в мире краше,
Что растут в волшебной чаше,
Не оставило следов.

Может быть, в лугах зелёных
Иль в полях, где зреет рожь,
Или в книгах умудрённых,
Нам с тобой судьбой дарёных,
Счастья формулу найдёшь.

Может быть, оно – жар-птица
И живёт в краях иных,
Что зовутся "заграница",
Может, в шумных их столицах
Счастье там живёт, у них.

Ищут счастье все повсюду,
На земле и в небесах,
Перерыли книжек груду,
Но не сыщут это "чудо",
Все попытки терпят крах.

Верят в счастье только дети,
Да и то под Новый год,
Что, проснувшись на рассвете,
В перевязанном пакете
Каждый "счастье" здесь найдёт.

Где ты, счастье? Где ты? Где ты?
Где ж твоей приписки порт?
Только эхо мне в ответе.
Счастья нет на этом свете,
А на том ... какой мне чёрт.

35 лет 1982 год

Р А Й

Библейский Рай расташен был людьми,
Как памятник пустой на сувениры,
Как падаль хищными и жадными зверьми,
Поклонниками – жалкие кумиры.

Унесены святые ворота,
Ограблен ключник (плут, мошенник, скряга),
А дерево познанья и добра
Под корень срублено – ненужная коряга.

Сам хитрый Змий, кто Еву искушал,
Не избежал судьбы своей змеиной –
В небесный серпентарий он попал,
И всё от языка и глупости ослиной.

Попрятались по норам дураки,
Те, кто под ангелов работали когда-то.
Они теперь, должно быть, старики
И молятся давно тельцу из золата.

Заполонили черти Рай святой
Глумливою и пьяною толпою;
Забыт закон, кругом царит разбой,
А жизнь и грош в базарный день не стоит.

А Д

Кочегарам зоны

А где же Ад – погибель всех людей?
Где сонмы ужасов, пугавшие когда-то,
Обитель Дьявола, чертовок и чертей,
Прибежище разбойника и ката?

Последнее пристанище воров,
Мошенников, плутов и лиходеев,
Убийц, клятвопреступников, рабов,
Дешевых опереточных злодеев?

И Ад не избежал своей судьбы,
Унесены ножи и сковородки,
Пустились в пляс скелеты и гробы
Как подгулявшие красивые молодки.

Все семь кругов пошли на хула-хуп,
А черти превратились в кочегаров,
И день и ночь людские души жгут,
Обогревая мир горячим паром.

Сентябрь 1982 года

С Е Р Ы Й Ц В Е Т

Мелькают люди, словно тени,
Плынут бесчисленной чредой.
В толпе ничтожеств даже гений
Окрашен в серый цвет порой.

О, серый цвет, ты – царь в природе,
Мы гимны петь тебе должны.
Напрасно говорят в народе,
Что белым цветом рождены.

Мы рождены все серым цветом
Из праха, грязи и дерьма.
Уместно ль говорить при этом
О чистоте души, ума?

О, как посредственность страшится
Таланта, дерзости людской,
И серостью своей прикрыться
Спешит под маскою дурной.

Весь мир вокруг, как под ударом,
Мы видим в зеркале кривом;
Ведь даже мозг наш, и недаром,
Зовётся серым веществом.

Начало стихотворения – 1982 год (35 зона),
Окончание – 2001 год.

Дюкареву*

Успокоился, бедняга,
Час пришел, как видно, твой.
Здесь, на кладбище ГУЛАГа,
Обретёшь ты свой покой.

Здесь, в земле сырой и пряной,
Где тебя давно уж ждут,
Где рассвет встаёт багряный,
Будет светлым твой приют

Средь цветов и трав пахучих,
За стеной из кустов,
Что опутаны колючей,
Ржавой сеткой проводов.

Без креста и без отпева
Будешь вечно ты лежать,
А сосед, который слева,
Будет также охранять.

* Дюкарев – солдат-дезертир, служивший на границе. Перебежал по недомыслию и любопытству (хотел посмотреть заграницу). Прожив в Нью-Йорке 8 лет, добровольно вернулся на родину. По суду получил 12 лет ИТЛ. Через год, в 1983-ем, повесился в 35 зоне. "Сосед слева" – охранник, также покончивший жизнь самоубийством.

Е Г О П О Р Т Р Е Т¹

Он – жалкий шут, фигляр злосчастный,
Урод ничтожный, лицедей,
Искатель душ, себе подвластных,
И опереточный злодей;
Несостоявшийся ученый,
"Борец" за счастье людей,
"Король" без царства и короны,
Игрок без денег и идей;
Любитель разных приключений,
Лжец, пустомеля и болтун,
Непризнанный, забытый "гений"
И грязный пасквилянт-пачкун;
Хвастун, шпион и провокатор,
Мошенник, плут и пустозвон,
И демократ он, и диктатор...
Так кто же в самом деле он?

37 июня 1983 год

¹Портрет одного из моих солагерников.

ЦИКЛ ЧЕЧЕНСКИХ СТИХОВ

ПЛАЧ ЖЕНЩИНЫ

"Ярославна плачет на Путивле
на стене поутру причитая"
(*"Слово о полку Игореве"*)

Опять войны грохочет гром
И танков лязг, снарядов вой.
Разбит, разграблен отчий дом,
Где я жила с моей семьёй.

Погибли все, и лишь одна
Из гроба выползла я нищей;
Все слёзы выплакала я,
Бреду без крова и без пищи.

В различных позах мёртвые тела
На улицах, на площадях, в подвалах.
Их злая смерть тайком подстерегла
То пулей, то осколком угощала.

Средь мертвых тел и мой сынок лежит,
Моя последняя надежда и опора,
И мне всё кажется, что он лишь только спит,
Приткнувшись головёнкою к забору.

Как было тяжело его мне поднимать,
Рос без отца, убитого в Афгане.
Я заменила всех ему – отца и мать,
И всё ждала, как на ноги он встанет.

И вот он встал, чтоб тотчас же упасть,
Сражённый бомбою российского пилота,
И смерть свою прожорливую пасть
Открыла с бомболяком самолёта.

Его убийцы – там они, в Кремле,
Пирут на свободе после драки,
А он лежит в холодной серой мгле,
И тело его рвут приблудные собаки.

О, Боже праведный, где истина твоя?
За малые грехи рабов своих караешь,
А подлинных злодеев октября¹
На волю без суда так просто отпускаешь.

Вот и теперь виновных – пруд пруди,
Они в крови по самую макушку,
А до суда дойдет – попробуй их найти!
А срок им должен быть на полную катушку.

Декабрь 1994 года

¹ Имеются в виду участники событий 3– 4 октября 1993 г., отпущенные по амнистии без суда. Ныне они вновь у власти.

О ПЯТЬ ВОЙНА...

К 50 - летию победы в Великой
Отечественной войне.

Давно закончилась война,
Но не забылись эти даты.
Пришла победная весна.
Домой не все пришли солдаты...

А сколько их осталось там,
Там, на полях былых сражений.
О, сколько горя, сколько драм
Легло на плечи поколений!

Давно закончилась война
И заросли травой окопы,
И над Россией тишина –
Ведь не грозят нам из Европы.

Пусть нету Гитлера пока,
Не встал из гроба Муссолини,
Там, где погибли их войска,
Цветут цветы под небом синим.

Давно закончилась война,
Но нету нам с тобой покоя.
Вот снова к нам пришла весна,
А нас осталось только двое.

Лишь только двое из ребят,
Что жили рядом так беспечно;
Все остальные крепко спят,
Землей прикрытыe навечно.

Давно закончилась война,
Прошло уж более полвека,
И потускнели ордена
У пожилого человека.

Тот, кто прошёл огонь и дым,
Войну от края и до края,
Кто после боя стал седым –
Не будет жить, в войну играя.

Нет, не закончилась война,
Опять кругом мы виноваты,
И нам сегодня не до сна:
Ведь снова в бой идут солдаты.

И "похоронки" по домам
Опять разносят почтальоны,
И плачут горько по ночам
Погибших матери и жёны.

Нет, не закончилась война,
Опять кому-то там неймётся:
Горят, взрываются дома,
И кровь людей рекою льётся.

Вчера Афган, за ним – Чечня,
А завтра где-нибудь в Сибири
Возникнет новая война,
Войною станет в целом мире.

Нет, не закончилась война,
И нет ей ни конца, ни края.
Уже в горах идёт она,
Стреляют пушки не смолкая.

Растёт, растёт число могил,
И искалеченных – без счёта.
Смотреть на бойню нету сил,
На эту смертную работу.

И не закончится война,
Пока убийцы правят нами.
В огне родная сторона,
И стонет люд под сапогами.

Мы забываем мирный труд
И верим в разные обманы,
А наши денежки текут
В чужие грязные карманы.

Давно закончилась война,
В ней крови пролито немало,
Испили чашу мы сполна,
*И*протрезвле^{но}нья не настало.

Но отвечать-то нам с тобой
И за иллюзию надежды,
И за кровавый тот разбой,
Что учиняют нам невежды.

Нам отвечать с тобой, мой друг,
Представ пред светлым божьим лицом,
Когда покинув жизни круг,
Уйдём туда с последним криком.

И будет нас судить Господь
За соучастье в преступленьи,
Всю нашу пакостную плоть
Пред миром вывернет с презреньем.

Напрасно будем мы молить,
Просить у Господа прощенья.
Но кровь людей нельзя простить,
А смерть их требует отмщенья.

9 мая 1995 года.

И СНОВА КРОВЬ ...

И снова кровь, и снова злоба,
С экрана мутной лжи поток,
И открывает крышку гроба
Неумолимый грозный рок.

Он чёрным вороном, как знамя,
Над нами крылья распростёр,
Из искры раздувает пламя, –
И вот уже горит костёр.

Костёр войны, войны без славы,
И смерть гуляет по полям,
И косит люд косой кровавой,
И сеет трупы тут и там.

Огнём охвачены жилища,
И полыхает горный лес,
От сёл остались пепелища,
И дым клубится до небес.

О, Боже правый, отчего же
Меж нами вспыхнула вражда?
Один у нас с тобой цвет кожи,
Овал лица и борода.

Одно лишь мы хотим – свободы!
Свободно жить в земле своей,
Как все нормальные народы
Пасти стада, растить детей.

Хотим мы жить своим обрядом,
Как повелел нам наш Аллах,
Вы ж угощаете нас "Градом",
Чтоб в душах поселился страх.

Убить нас всех совсем не сложно,
Нас убивали много лет,
Но покорить нас невозможно –
В Чечне людей покорных нет!

Друзьям открыты наши двери,
Готов для них шашлык и плов,
И если мы кому поверим –
Всегда дадим приют и кров.

Тех, кто приходит к нам с оружьем,
Приходит жечь и убивать,
Встав, как один, мы встретим дружно
И будем землю защищать.

А если час последний грянет,
Сойдем в могилу, сгинем в прах,
Последним нашим криком станет
"Аллах Акбар! Акбар Аллах!"

Январь 1996 года

* * *

Отцы не вернулись с афганской войны,
Сполна нахлебавшись кровавой там каши,
Их выросли дети, но нет тишины,
И снова грохочут военные марши.

И снова над нами насилие и ложь
Царят, словно боги, как было когда-то,
И снова уходит от нас молодёжь,
Одевши шинели и взяв автоматы.

Увы, к сожалению, недолог их путь –
До первой же пули, до первого боя;
Быть может, лишь только удастся вздохнуть –
Из жизни уйдет половина их строя.

По серым камням скользят сапоги,
Навряд ли готовят ребят для парада,
За каждым пригорком живые враги,
За каждым кустом ожидает засада.

Уходят они, ничего не успев,
Слегка окунувшись в мир жалких иллюзий,
Уходят они, никого не согрев,
Чтоб сгинуть от ран и тяжёлых контузий.

Уходят они, ничего не сказав
Любимым своим и друзьям на прощанье.
Ужели и вправду по-своему прав,
Кто отнял их жизнь, вопреки обещаньям?

Ноябрь – декабрь 1996 года
(Вторая чеченская война)

Солдатской матери

Сколько стоит, скажите, жизнь простого солдата?
Не того, кто вернулся, а того, кто убит,
И какою достойной должна быть плата
За того, кто под камнем на кладбище спит?

Неужели есть такса[†] за убитого сына?
Ну, и как оценить все страданья его,
Когда вдруг под ногами взрывается мина,
И машина сгорает в мгновенье одно.

Или как оценить материнское горе,
Или муки отцов, потерявших детей?
В этом мире огромном и безбрежном, как море,
Как им жить теперь дальше без своих сыновей?

Но опять и опять в ночь уходят солдаты,
И отцы-командиры отправляют их в бой[‡]
“Возвращайтесь живыми, прошу вас, ребята!”^{**}
Не нужны нам победы ценою любой,

Не нужны нам победы, обагрённые кровью,
Опалённые жаром взрывов бомб и ракет.
Мне бы хотелось вернуться в мир, объятый любовью,
Пусть в конце своей жизни, но увидеть просвет.

Но, увы, никогда не вернуться нам к свету,
Снова нас загоняют в кровавый туман,
Заставляют всех жить по чужому обету,
А вокруг только подлость, только грязь и обман.

Июль 2001 года
(Вторая чеченская война)

✓

✓

✓

БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗОНЕ

Я живу на Востоке
Посредине тайги.
Мне стрекочут сороки
Утром песни свои.

Встали строем бараки
У реки Чусовой,
Злобно лают собаки
И не спит часовой.

Песнь, подобную стону,
Он на вышке поёт,
И глядит прямо в зону
С вышки той пулёмёт.

Мир колючкой опутан
И гирляндой огней,
И встает ранним утром
День неволи моей.

По звонку на работу,
По звонку на покой;
Даже в божью субботу
Поднимает конвой.

Там закатные тени
Залегли на снегу.
Вставил дедушка Ленин
Свое слово в строку:

Как в начале Советов
Создал он лагеря,
Так не видим мы света.
Погибаем в них зря.

1984 год

9 А П Р Е Л Я 1989 Г О Д А. Т Б И Л И С И.

Кровь пролилась на площади Тбилиси,
А завтра вновь прольётся под Москвой...
Твори молитву, Родина, Россия,
Но не во здравие твори, – за упокой.

Твои сыны, архангелы лихие
Прославили тебя на все века.
О, горе вам, спасители, мессии,
Забившие дубинкой старика.

И вам о, горе, матери седые,
Родившие кровавых палачей,
Отнявшие здесь жизни молодые
У неповинных женщин и детей.

Проклятье вам, жандармы и убийцы,
Проклятье тем, кто вас послал сюда.
Вы обагрили улицы столицы,
Вам не уйти от правого суда.

Очнись от сна, слепое поколенье,
Привыкшее к ошейнику, ярму.
Мы требуем, да, требуем отмщенья!
Карателям не может быть прощенья,
Преступников – *к нозорному столбу!*
запись письма в тетрадь

Апрель 1989 года

НАШ БРОНЕПОЕЗД

(Стихотворение-предупреждение, написанное после просмотра одноименного кинофильма).

Они не ушли, затаились на время
И ждут терпеливо свой срок,
Когда прорастёт это чёрное семя,
А мы позабудем урок.

Исчезнут из памяти пытки и казни,
Расстрелы людей без суда,
И будем смотреть мы на мир без боязни, –
Они вновь нагрянут сюда.

Воскреснут злодеи, как феникс, из пепла ,
Их суд будет страшен и скор.
Пока что их сила ешё не окрепла,
Пока не заточен топор,

Пока что не льётся ^{черно} ~~на землю~~ рекою
Людская невинная кровь,
Кровавый рассвет не встаёт над ^{столбами} ~~землёю~~ ^{зелено}
И есть ешё в мире любовь.

Сажает цветочки палач, и убийца

Не нужен пока никому,

Но ~~каждую ночь тот же он ему снится, – и~~ ^{только лишь когда} ~~ону~~ ^{ему} ~~всегда~~ ^{приходит}
Что мир превратился в тюрьму.

1990 год апрель 1989

В О З Д А Й И М, Б О Ж Е ...

Воздай им, Боже, я плачу'
И жертве, подлостью убитой,
И за разбои – палачу
Со всей его огромной свитой.

Воздай, о Боже, всем рабам,
Лежащим пред Тобой во прахе,
И всем ничтожным господам,
Живущим в постоянном страхе.

Воздай, о Боже, всем немым,
Всем перевёртышам, невеждам,
Вождям, неумным и больным,
Забывшим путь к святым надеждам.

Воздай, о Боже, всем слепым,
Тем, кто не видит преступленья,
А тем, кто вечно был гоним,
Дай, Боже, им скорей забвенье.

Воздай, о Боже, всем глухим,
Кто жив ёщё, ёщё кто дышит,
И всем разбойникам лихим,
Воздай им, Боже! Он не слышит...

Февраль 1990 года

С Т Р Е Л Я Е Т В О Й Н А

Стреляет война и ночью, и днём,
И в мирное время в упор по герою
И злою статьёй, и злобным стихом,
Заполненным ядом и злой клеветою.

Стреляет война с пожелтевших страниц
Политдонесенья и сводки военной.
Стреляет война из далёких столиц
Письмом, телеграммой, – всё с ложью отменной.

Стреляет война, даже кончик пера
Бывает страшней, не спасут и награды,
И прямо по мёртвым ведут снайпера
Огонь свой позорный из подлой засады.

Стреляет война и в вечный покой,
И подвиг военный политкомиссары
Представить спешат, как обычный разбой,
Засунув при этом героя на нары.

Тот бой бесконечен, и нету конца
И зависти чёрной, и бешенной злобе;
Чиновник в мундире с душой подлеца
Подле бандита на тёмной дороге.

Но голос народа, божественный глас
Дошел, наконец, до кремлёвской "малины",
И грянул, как взрыв, этот майский указ,
Опасней для них¹, чем подводные мины.

9 мая 1990 года

Написано в связи с состоявшимся наконец посмертным присвоением звания Героя Советского Союза знаменитому подводнику А.И. Маринеско, потопившему в январе 1945 г. два огромных немецких корабля.

¹ Это те начальники, которые в течение многих лет были против присвоения Маринеско звания Героя Советского Союза.

* * *

Опять за Правду сказанную бьют
Указом президентским, как дубиной,
И вновь неправду нам преподают
С трибун высоких разные кретины.

Опять за Правду сказанную бьют,
А гласность загоняют снова в норы,
И новые дела всем правдолюбцам “шьют”
Всё те же самые мошенники и воры.

Опять за Правду сказанную бьют,
Грозят тюрьмой, психушкой, лагерями,
И цепи тяжкие нам снова всем куют,
А судьи те же снова перед нами.

Вы слышите? Опять за Правду бьют...

Июль – август 1990 года

НАД СИНЯВИНЫМ ТИШИНА...

Моему дяде Миркину И.А.

Над Синявиным тишина,
Над Полесьем царит покой...
Там лежит по болотам война,
Там погиб мой отец родной.

Он без вести пропал во тьме,
Не вернулся из боя домой,
И поэтому кажется мне,
Что не умер он, а живой.

Он придёт, постучится в дверь,
Скажет: "Сделал я всё, что мог,
Только ты в мою смерть не верь,
Жди меня, я вернусь, сынок.

Я вернусь всем смертям назло,
До конца пройду крестный путь.
Кто-то скажет, что мне повезло.
Я вернусь, пусть когда-нибудь."

Но прошли, пролетели года,
Стал я старше тебя, мой отец,
Ты остался там навсегда,
Принял скорбный войны венец.

Сентябрь 1990 года

С Е Р А Я И Д И Л И Я

и д и л и я

✓

Дождь идет за окном,
Мокнут серые крыши,
А в углу серый гном
Или серые мыши.

Бродят серые тени
В сером мокром тумане,
В серой дымчатой лени
Кот лежит на диване.

Он само совершенство,
Царь кошачьего рода,
Серых кошек блаженство –
Сразу видно породу.

Развалившись спокойно,
Он зевает так сладко!
Что ему наши войны?
Что ему беспорядки?

Было б мясо в тарелке,
Молоко да сметана,
А бока – словно грелки,
Шерсть и хвост без изъяна.

Серой лапой пушистой
Он играет забавно,
На стене серебристой
Ловит пляшущих фавнов.

Мокнут серые тени
лучном
В сером *лучном* тумане, *лучном*
В серой неге и лени
Кот лежит на диване.

✓

18 октября 1990 года

К О Т В О Р А Н Ж Е В О М Б Е Р Е Т Е

Я храбрый кот в оранжевом берете,
Мне всё по силам, всё мне по плечу,
Я всех котов, живущих на планете,
Зову на бой, их всех поколочу.

Зову на бой я всех котов Вселенной,
Не важен мне их вес, не важен мне их рост.
Вон Васька-кот, на что был здоровенный,
или Тигр И тот сбежал, поджав свой пышный хвост.

Глядят мне кошки вслед с восторгом и любовью,
И я люблю их всех, но только лишь весной.
О, сколько на земле котят с моей кровью
Совсем не знают то, что я им не чужой!

Октябрь 2001 года

На настенном календаре изображен кот в оранжевом берете, задиристый и воинственный.

/

ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ...

Я не вышел на площадь под знамена Свободы,
Я не вышел на площадь, отсиделся в углу,
Когда в Прагу входили наши танки-уроды,
Подминая под траки их Свободы весну.

Я не вышел на площадь на лобное место,
Где на камне сидела кучка смелых людей,
Развернув транспаранты со словами протеста
Против гнусной политики наших вождей.

Пять минут лишь прошло, и набросилась свора ,
Пять минут, словно вздох, остальное в бреду;
Пять минут свежий воздух, – и годы позора
В том kraю, что на карте до сих пор не найду.

А потом скорый суд, суд закрытый и странный,
На скамью подсудимых усадил их не зря:
Им судья "справедливый" и очень "гуманный"
Прочитал приговор и услал в лагеря.

Пролетели года, словно чёрные птицы,
Всё, что было – ушло, не вернется назад.
В книге наших судеб промелькнули страницы,
Только жаль мне одно, что не встал с ними в ряд.

15 октября 1990 года

Написано в связи со статьей «Выйти на площадь» в журнале "Огонек", посвящённой тем людям, которые в августе 1968 года вышли на Красную площадь с протестом против ввода советских войск последнюю для подавления "бархатной революции" в Чехословакии.

ГЛЯДЯ НА ПАМЯТНИК

Бронзовый монстр на бронзовой башне,
Что ты там видишь вдали?
Тюрьмы взрастил ты на ласковой пашне
Вместо зерна из земли.

Что ты там высмотрел, коршун кровавый?
Стонет от боли народ,
Мир напоил ты какой-то отравой,
Уши заткнул нам и рот.

Жизнью ~~миллиардов~~ оплачены счеты,
Где вы, надежды, мечты?
Снова нам в спины глядят пулеметы, —
Это ^{над}наставил их ты.

Слышать нам снова в безмолвии белом
Ржавой колючки трезвон;
Снова в покойников, меченых ^{мечом} ~~тленом~~,
Штык свой воткнёшь, фараон.

Тенью бесплотной над бедной Россией
Крылья свои распростёр.
Ты нам казался великим Мессией,
В деле же — мошенник и вор.

Написано в дни путча 19 — 21 августа 1991 года о памятнике на площади Ленина.

З Е К О В С К О Е К Л А Д Б И Щ Е

На кладбище нет ни могил, ни крестов,
Здесь нет ни имен, ни фамилий,
Никто не приносит им свежих цветов,
Ни бархатных роз, ни оранжевых лилий.

Лишь столбик с дощечкой, две буквы на ней
И номер в каком-то журнале.
Никто не отпел их при блеске свечей...
(А нужно ль то мертвым? Едва ли.)

Кто вспомнит о них, кто слезу хоть прольёт
Над жизнью, угасшей так рано?
Никто к ним сюда никогда не придёт:
Ни брат, ни сестра и не мама.

Отсюда им всем не уйти, не сбежать.
За чёрным могильным порогом
Им вечно на этом погосте лежать,
В краю позабытом, убогом.

Здесь мстят после смерти забвеньем глухим,
И нет даже мёртвым прощенья.
Всем этим несчастным – хорошим, плохим –
Один приговор им – презренье.

1992 год

Написано после поездки в Пермские лагеря по поводу 20-летия Пермского этапа.

V

С Н О В А И Ю Н Ъ ...

И снова июнь, снова двадцать второе,
Начало войны, как начало разбоя,
И что-то тревожно и смутно в груди –
Лихая беда вновь на нашем пути.

Под грохот снарядов, под бомбовый вой
Опять я в окопе, и враг предо мной.
Здесь кровь на асфальте и трупы вокруг,
И стал мне врагом самый лучший мой друг.

И радость, и горе делили мы с ним,
Теперь друг на друга в прицелы глядим.
Река разделила, мосты сожжены,
Выходим мы с ним на дорогу войны.

Но свистнула пуля, и друг мой убит,
Раскинувши руки, у камня лежит.
А пуля вторая с чужой стороны
Догнала меня и отрезала сны.

22 июня 1992 года
Написано по поводу войны в Приднестровье.

О С Е НЬ

Последнее тепло
Перед осенней стужей,
Прозрачное стекло
Застывшей грязной лужи,

И желтый листопад,
И голые деревья,
Уснувший Летний сад,
И воронья кочевья,

И избы деревень,
Забитые, пустые,
И сломанный плетень,
Озера голубые,

И журавлиный клин,
Летящий с криком к югу,
Заросший мхом овин
И с белым снегом выногу –

Всё это я люблю,
Всё это я приемлю,
И Родиной зову
Святую эту землю.

29 – 30 сентября 1992 года

* * *

Во дворе у старой синагоги
Под холодным проливным дождём
Я стою у жизни на пороге,
Прошлого сжигаемый огнём.

Я стою, угрюмый и печальный,
Полный мыслей и тяжёлых дум.
Чувствую я холод погребальный,
Слышу крики и неясный шум.

Предо мной проходят мёртвых тени,
Что ушли из мира суеты,
Тех людей, которых на колени
Ставили у края пустоты.

Тех людей, которых нет уж ныне,
Позабыты даже имена,
И от боли кровь в сосудах стынет,
Рассыпая страха семена.

Сожжены они дотла, до праха,
Не осталось даже их следа.
Перед взором огненная плаха,
Огненная плаха без суда.

И уходят длинной вереницей
Эти люди в газовую печь,
Плачуще-испуганные лица
Тех, кого мы не смогли сберечь.

Во дворе у старой синагоги
Под холодным проливным дождём
Я стою в конце своей дороги,
Вместе с ними тоже под огнём.

Апрель 1993 года
Написано по поводу 50-летия восстания в Варшавском гетто.

В Е С Н А. В Й Б О Р Ы

Бот и снова весна,
Каплет с крыши капель.
Только мне не до сна –
Скоро третий апрель.

Снова жизнь, как в туман,
Нас зовёт за собой,
И вновь подлый обман
Нам готовят с тобой.

Петербургскую власть
Нас зовут выбирать,
Чтоб жила она всласть,
Нам – бутылки сдавать...

1994 год

КРОНШТАДТ, 1921 ГОД

Вы не жертвами пали
В борьбе роковой,
А сознательно встали
Против власти такой,

Что народ обирала,
Не давала житья.
Полегло вас немало,
Но я верю – не зря.

Обманули матросов,
Обманули солдат,
И на смерть средь торосов
Повели на Кронштадт.

Позади пулемёты,
А погода – не мёд,
И осталось полроты,
Не ушедших под лёд.

Ворвались на рассвете,
(Знать, по трупам прошли...)
Горько плакали дети,
Чьих отцов увели.

На молу расстреляли,
Падал каждый второй...
Так у нас насаждали
Тот порядок крутой.

Всё по воле народа,
(А хотел ли народ?)
Всех, желавших свободы,
Выводили в расход.

Лагеря да расстрелы,
Тяжкий каторжный труд, –
Делал черное дело
Их неправедный суд.

Много лет миновало
С той далёкой поры,
Очевидцев не стало,
Все до срока ушли.

Вы не жертвами пали
В неравной борьбе,
Жизнь свою поломали,
Встав на горло судьбе.

Вы поведали людям,
Кто их истинный враг.
Путь к свободе был труден,
Важен первый был шаг.

Март – апрель 1994 года

С О Л О В К И

Острова в Белом море,
Только камень да лес.
Сколько слёз, сколько горя
Было в крае чудес.

В ряд бараки сырье;
От судьбы не сбежать,
Конвоиры лихие
Будут в спину стрелять.

Монастырские стены,
Колокольный трезвон.
За какие изменения
Посадили вас в СЛОН¹?

Где волна бьёт о берег
Среди моря и скал,
Здесь "сидел" академик,
С ним – седой генерал.

Верой-правдой служили
Вы Отчизне своей,
Срок за то получили
До скончания дней.

Истязанья и пытки
В заполярной ночи,
И с садистской улыбкой
Били вас палачи.

У Секирки ² стреляли
За малейший просчёт,
И тайком зарывали
Прямо в каменный лёд.

С баржи в море топили,
Заметая следы.
Сколько душ загубили
Средь такой красоты!

Вас осталось немного,
Хватит пальцев двух рук,
Но всё меньше к порогу
Вас приходит на круг.

Разбрелись по погостам,
Прах смешался с землёй.
Был вам каменный остров
Много лет лишь тюрьмой.

Июнь 1994 года

✓

¹ Соловецкий лагерь особого назначения.

² Секирная гора, где проводились расстреляны. Сейчас там стоит большой крест.

--*

Уже дети и внуки
Едут в эти края;
Ни на смерть, ни на муки
Едут, боль затая.

Едут в светлые дали,
Где их дед иль отец
В этом царстве печали
Принял скорбный венец.

Там, где были расстрелы,
Средь безвестных могил
Камень встал светлосерый,
Чтоб никто не забыл.

Не забыли б потомки,
Где начало начал,
Где сейчас лишь обломки —
Был ГУЛАГа причал.

Июнь 1994 года

* * *

Быть может, лавры Бонапарта
Уснуть кому-то не дают.
Здесь не Афины и не Спарта,
А лишь Россия, где все лгут.

Людей ослиное упрямство
Да подлость выше Бога чтут,
Здесь наглость, грубость, даже хамство
Возведены в особый культ.

Призвал к злодейству – ты уж гений,
Призвал к убийству – ты герой,
Народ поставил на колени,
Глядь, за тобой придуров строй.

Да, за тобой в огонь и в воду,
Порой костыми готовы лечь.
Они без племени, без роду,
Но не о них сегодня речь.

Когда ничтожество и серость
Возводят вдруг на пьедестал,
То – нашей жизни очумелость,
То – в экономике провал.

Когда в подземных переходах
Стоят с протянутой рукой,
Когда всё больше нищего народа
Выходит вечерами на разбой,

Когда нет хлеба всем голодным
И старость нечем обогреть, –
Кто назовёт наш строй народным,
Кто за него пойдет на смерть?

Февраль – март 1994 года

* * *

Пожалейте, люди, палачей,
Хоть слезу над ними, да пролейте.
Всю охрану тюрем, лагерей,
Берию с Ягодой пожалейте.

Пожалейте, люди, палачей,
Эту многочисленную свору;
Был Ежов – отъявленный злодей,
Но казнил согласно приговору.

Пожалейте, люди, палачей,
Может быть, они не виноваты,
И возможно, что в душе своей
Неплохие в общем-то ребята.

Пожалейте, люди, палачей,
Всех убийц, всех извергов в погонах.
Им во здравье – дюжину свечей
В каждой церкви ставьте при иконах.

Пожалейте, люди, палачей,
Ведь Господь велел прощать обиды.
Если пожалеем сволочей,
Снова народятся эти гниды.

Не жалейте, люди, палачей
И не верьте кротости во взоре.
Пред глазами длинный ряд людей,
И расстрел там в каждом приговоре.

Не жалейте, люди, палачей,
Нет, не будет им от нас прощенья,
И не ставьте им в церквях свечей,
Палачам – всеобщее презренье.

Май 1994 года

В Государственной Думе обсуждался вопрос о приравнивании надзирателей тюрем и лагерей к участникам войны.

37 - я ЗОНА

Мы – живые экспонаты
Из окованной страны.
Молчаливые солдаты
Стерегут здесь наши сны.

Все ворота на запоре,
Днем и ночью сторожа
С автоматами в дозоре
На охране рубежа.

Пролегла здесь между нами
Грань бытъя и небытъя,
Лишь шуршит под сапогами
Пересохшая земля.

При луне собаки лают,
Задыхаясь и хрипя,
Фонари в ночи играют,
Ярким светом глаз слепя.

А на вышке той, что птицей
Вознеслась над полосой,
Перепаханной границей,
Встал на вахту часовой.

1996 год

ЗИМНИЙ СОН

Снег за окном, шурша, летит,
Скребётся мышь за тёплой печкой,
Свечой холодною горит
Луна над замершою речкой.

Не слышно больше пенья птиц,
Уснули шумные дубравы,
И не стряхнувши снег с ресниц,
Спят ели, спрятав ствол шершавый.

Залез под крышу воробей,
Спасаясь в доме от мороза,
И холодом несёт с полей,
Вся в синем инее берёза.

Спят сосны в белом парике,
Спит в будке на цепи собака,
И рыба сонная в реке
Забилась в ил средь льда и мрака.

На хохлившихся, вороны спят
И не кочуют по дорогам,
Друг подле друга сели в ряд
В наряде жалком и убогом.

Всё здесь объято мёртвым сном:
Природа, люди, даже сказки,
На полке в книжке дремлет гном,
И кот зажмурил свои глазки.

И в этом дивном царстве сна
В ночь перед юным Новым годом
Спят лето, осень и весна
Под лунно-звездным небосводом.

Декабрь 1996 год

Н.С. Гумилёву

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть.
Н.Гумилев "Смерть"

Гудит шоссе, уносит вдаль машины,
Вот поворот, ведущий на погост,
И каменный цветок, как будто из былины,
Встал на пути моём как приграничный пост.

Сей камень – грань меж мёртвым и живым,
Граница он меж радостью и горем.
Ведь в том краю всё кажется иным,
Куда уходим мы, с своей судьбой не споря.

Здесь ставили людей у края пустоты
Над ямой-бездною ничтожные клевреты,
И уходили в тьму без всякой суety
Учёные, художники, поэты.

И он здесь встал, перекрестивши грудь,
Творя молитву, обращаясь к Богу.
В стихах он предсказал свой крестный путь
И дальную небесную дорогу.

Его убийцам было наплевать,
Один он встал, иль вся шеренга разом.
Прикажут им – убьют родную мать,
Убьют ребёнка, не моргнувши глазом.

Раздался залп, тела упали в ров,
Что выкопан был накануне ночью;
Поэт убит, не надо громких слов,
И пулей его мир разорван в клочья.

Гудит шоссе, уносит вдаль машины,
А здесь, в лесу, немая тишина.
Качаясь на ветру, чуть-чуть скрипят осины,
А тем , кто тут лежит, не вспрянуть ото сна.

Декабрь 1996 года

37-ой ГОД

Этап наш гнали вдоль реки,
По снегу прямо, без дороги;
Собаки рвали поводки,
А мы тянули еле ноги.

А на реке той ледоход,
Водой проносит мимо льдины.
Вокруг меня простой народ:
Кто с гор высоких, кто с равнины,

Из городов больших, — арест
Привел сюда в Сибирь глухую,
Согнав их всех с родимых мест,
Послав на смерть в страну чужую.

Судьба у нас у всех одна:
За лишний шаг — в затылок пуля,
И яма вечная без дна,
И след от смерти поцелуй.

И вот идет за рядом ряд,
Вдруг человек к реке метнулся,
Но точен в спину был заряд,
И он упал, как бы споткнулся.

Мгновенно смерть к нему пришла,
Окрасив снег горячей кровью,
И все мученья пресекла,
К его приникнув к изголовью.

Август 1997 года

ПРИМИРЕНИЕ

Примириенье, примириенье...
Волк с бараном и овцой
Прямо всем на удивленье
Щиплют травку под горой.

Стал наш волк вегетарьицем,
Вместо мяса ест овёс,
А лисицу бальным танцам
Обучает рыжий пёс.

К примириению, к примириению
Призывают нас с тобой,
Чтоб предали мы забвенью
Нескончаемый тот бой.

Бой, что длится здесь веками
Меж добром и вечным злом,
Меж умом и дураками,
Для которых жизнь – дурдом.

Примириенье, примириенье,
Нет ни белых, ни цветных,
И в единое мгновенье
Позабудьте вы о них.

Позабудьте море крови,
Изdevательства, расстрел,
И давайте жить в любови,
Как Христос нам всем велел.

"Примириенье, примириенье!" –
Восклицает президент, –
Вы отбросьте все сомненья,
Будет другом даже мент.

Даже в лагере охрана,
Что с тобой нас стерегла,
Будет нам родней, чем мама,
Раз своя не сберегла.

Примириенье, примириенье!
Лишь закончил праздник круг,
Стёр я слёзы умиления:
Вновь мне враг "заклятый друг".

Вновь интриги, козни строит,
И в заботах о себе
Под друзей он ямы роет
И доносит в ФСБ.

Ноябрь 1997 года

ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ

Я снова в зоне за забором
Пожизненный мотаю срок.
Клянусь, я в жизни не был вором,
Чужого взять бы я не смог.

На волю вышел я когда-то,
Прошло уже немало лет,
За правду получил я "плату" –
Три года я не видел света.

Три года нас менты шмонали
И издевались, как могли,
И догола нас раздевали,
И нашей робою трясли.

Для них я был всего лишь зэком,
И приговор на мне висел,
Но, став свободным человеком,
Я много ль в жизни преуспел?

Всё так же шарят по карманам,
Привычно сыплют матерком,
Всё так же строится обманом
Благополучной жизни дом.

Но, Боже мой, как всё похоже,
Не нужен здесь ни Бог, ни маг;
Опять я вижу те же рожи,
Как будто вновь попал в ГУЛАГ.

1997 год

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

За что казните вы героев?
И в чём виновны все они?
Вернулись вы тогда из боя,
Они ж вернуться не смогли.

Остались там они, в атаке,
За нашу Родину легли.
Забыли, что в кровавой драке
Пропасть без вести вы могли?

Вам повезло, судьба решила,
Возможно, справедливый суд,
Для вас все блага: дом, машина,
А им цветов не принесут.

На их могилах пусто, голо,
Ни обелиска, ни креста,
На них не плачут дети, вдовы,
Вокруг немая пустота.

И с генеральского мундира
Не упадёт на них звезда,
Ведь даже все награды мира
Не воскресят их никогда.

Они ушли, чтоб не вернуться,
Погибли в схватке боевой.
Они хотели бы проснуться
В глубокой памяти людской.

Неблагодарные потомки
Забыли их, как сон дурной,
Отбросив прошлого обломки
Как сор ненужный и пустой.

Они забыли муки ада
Пропавших без вести отцов,
Оставив им одну "награду" –
Проклятье разных подлецов.

За что казните вы героев,
В чём виноваты все они?
В том, что вернулись вы из боя,
Они ж вернуться не смогли...

Декабрь 1987 года

О Т В Е Т В Е Т Е Р А Н А М

1.

Считаться славой с мертвцами –
Как это глупо и смешно.
Вы под огнём бывали сами,
Вам просто дико повезло.

Вернулись вы одним из тыщи,
Все остальные там легли.
Порою без воды и пищи
Вы прошагали полземли.

Зато разбили супостата,
Освободили всю страну,
Но волей случая два брата
Вдруг оказались в плена.

Все ваши подвиги лихие,
Все ваши раны, ордена,
Всё, что вы сделали России –
Всё зачеркнула их "вина".

Попали в плен не добром волей –
Их привела туда судьба.
Кто позавидует их доле?
Им даже жизнь не дорога.

Остались живы – слава Богу,
Их плен закончился с войной.
Пришли к родимому порогу,
Но путь их ждал совсем иной.

Проверил СМЕРШ, и оба брата,
Хотя вины на них и нет,
Вдруг оказались виноваты,
Попав в ГУЛАГ на много лет.

Их по этапу под конвоем
Повез "столыпин"¹ на восток,
В тот дальний лагерь, где герои
Должны отбыть свой долгий срок.

Что было в лагере – не знаю,
Не говорят о том братья'...
Закончен срок в далёком крае,
Домой вернулись. Где ж семья?

Родная мать давно в могиле
На сельском кладбище лежит,
Отец, исчезнувший в Сибири,
В чужой земле без гроба спит.

¹ – "столыпин" – арестантский вагон.

Всё отняла судьбина злая,
Всех ураган войны унёс.
Встречает братьев, хрюпло лая,
Какой-то шелудивый пес.

На фронт ушли совсем мальчишки,
Домой вернулись старики.
Пропали в доме вещи, книжки,
Сгорела баня у реки.

Всё начинать теперь с начала,
Всё начинать опять с нуля.
Стоят два брата у причала:
"За что судьба нас покарала
И жизни наши поломала?"
И слезы градом в три ручья.

2.

Они вернулись, худо-бедно
Опять в селе своём живут.
Я ж на войне пропал бесследно,
Меня не ищут и не ждут.

Ни "похоронки", ни известья, –
Всё было, словно в страшном сне.
Пропал солдат, пропал без вести
На распроклятой той войне.

Мой труп нигде не похоронен;
Среди таких же бедолаг
Лежит в болоте просто воин
Без всех регалий и наград.

Мои бревестные останки
Быть может, кто-нибудь найдет,
Положит в гроб, а гроб на санки,
И на кладбище повезёт.

На одинокую могилу
Положит камень гробовой,
Заплачет кто-нибудь о милом,
Пропавшем на войне лихой.

Поставит в церкви в память свечку
За упокой моей души,
Затопит в доме жарко печку
И выпьет с другом здесь в тиши.

На этой трапезе незримо
Присутствовать я был бы рад,
Но то, увы, недостижимо –
Ведь я лишь тень, а не солдат.

Август 1996 года

Л Е С Н О Е К Л А Д Б И Щ Е

Лесное кладбище, заросшие могилы,
Расколотые камни и кресты,
Средь ласковой оранжевой листвы
Бормочет что-то голубь сизокрылый.

Там чёрный крест над вечностью стоит,
И женский профиль на кирпичной кладке;
Печальная могила без оградки,
В ней чудный ангел беспробудно спит.

Сей долгий сон продлится на века,
Покуда льётся Стикс – подземная река.

Осень 1992 года
Комарово

К 60-летию В.В. Иофе,
директора НИЦ «Мемориал»

Вас, шеф, увы, ничем не удивить,
Нет ничего для вас в сей жизни внове,
Но наш «Мемориал» извечно будет жить,
Пока вы есть в его основе,

Пока вы, как атлант, на собственных плечах
Готовы дальше нести весь этот труд тяжёлый,
И в огненных статьях, и в пламенных речах
Вы шлёте Правды свет и в города, и в сёлы.

От вас никто не сможет Правду скрыть,
Найдёте вы её и в небесах, и в море,
В архивах пыльных проявляя прыть,
Готовы даже носом землю рыть,
Чтоб нашим людям истину открыть,
Кому на радость, а кому на горе.

Июнь 1998 года

ПАМЯТИ Г.В. СТАРОВОЙТОВОЙ

Идёт отстрел поодиночке,
Бьют наповал из-за угла:
За мысли вслух, в газете строчки,
За просто добрые дела.

Стреляет нечисть и паскудство
Из ночи чёрной в светлый день,
А нашей жизни безрассудство
Уводит нас куда-то в тень.

Идет охота всякой швали
На самых лучших из людей,
А мы сидим с тобой в подвале
Или в какой-то из щелей.

Мы – дезертиры с баррикады,
Ушли в свой жалкий подлый быт;
На наше место влезли гады
И Макашов – антисемит.

Они ликуют и смеются
Над нашей общею бедой,
И можем скоро мы проснуться
В стране уже совсем другой.

В стране, в какой когда-то жили
Всего десяток лет назад,
И верно партии служили,
И выходили на парад.

Всем хором славили генсека,
Ему курили фимиам,
И забывали человека,
Того, кто строит жизни храм.

Ушли, казалось, эти годы,
И к прошлому возврата нет,
Но лишь глотнули мы свободы,
Как вновь летим на красный свет.

Опять вокруг всё те же лица
И их кроваво-красный флаг
Горит над башнями столицы,
А нас везут с тобой в ГУЛАГ.

Пока что сон мне только снится,
Пока не стал здесь явью он.
Не дай же Бог ему вдруг сбыться,
Чтоб мог над нами вновь глумиться
Кровавый партии закон.

Декабрь 1998 года

О П Я Т Ъ ...

Опять стоят в подземных переходах
И стар и млад с протянутой рукой,
Они стоят в любое время года,
А мимо жизнь широкою рекой.

Глядит на мир незрячими ^{огромными} глазами,
А парню нет ещё и двадцати,
Весь белый свет стал для него ночами,
Ночами чёрными на жизненном пути.

Но он у нас не просит подаянья,
А развернув малиновы меха,
Играет он из фильма без названья
Мелодию, забытую слегка.

Здесь на полу цементном с псиной рядом
Пристроился безногий инвалид,
Глядит на мир полубезумным взглядом,
А псуна тихо рядышком сидит.

В другом углу беззубая старуха,
Согнувшись в три погибели, стоит:
В войну лишилась зрения и слуха,
Нас просит о защите от обид.

Мне кажется, в подземных переходах
Стоят не нищие с изломанной судьбой,
А там стоит в любое время года
Россия- мать с протянутой рукой.

Май 1991 года

П Е Т Р У В Е Л И К О М У

(Скульптура в Петропавловской крепости)

Он необычен, сразу вдруг,
Он без коня, без тяжкой брони,
И к нам пришёл сюда как друг,
Без парика и не в короне.

Как будто дедушка пришёл,
Натужно опустивши руки,
Он к нам с тобою сел за стол:
«Ну, как живёте, мои внуки?

Я был от вас так далеко,
В чужих краях, в большой печали.
Жилось вам, знаю, нелегко,
Какими вы, скажите, стали?

Оставил я в наследство вам
Великий город, государство.
Что сталося с ними? Стыд и срам –
Кругом раздоры и коварство.

Гляжу вам пристально в глаза,
Творю над вами суд свой правый.
Ведь ваша каждая слеза
Сочится ядом и отравой.

Царит лишь ложь, а правда спит
В своей обители железной,
Ей на свободу путь закрыт
Из мрачной и колючей бездны.

Но верю: возродится вновь
Мой город и моя держава,
Вернётся к ним былая слава,
А вместе с нею и любовь».

12 июня 1991 года

О С Е НЬ

Вот и осень, и тёмные ночи,
Опадает, желтея, листва,
Бьётся ветер в окно что есть мочи,
И шуршит под ногами трава.

В красный шёлк разоделись все клёны,
А берёзки покрылись парчой,
Только сосны зелёной короны
Не меняют осенней порой.

Оплетают своей паутиной
Пауки и траву, и кусты,
И под ветром трепещут осины –
Нечем бедным прикрыть наготы.

И тяжёлые кисти рябины
Огоньками на солнце горят,
Словно красные камни-рубины
Оживляя осенний наряд.

И сбиваются в плотные стаи,
Собираясь лететь за кордон,
Птицы в игры уже не играют,
А их песни похожи на стон.

Сентябрь 1995 года

* * *

Увы, настанет вскоре день,
Когда не будет ветеранов,
И всё уйдёт куда-то в тень,
И будем жить мы без обманов,

Без разных сказок и легенд,
Без басен о войне минувшей
И без ужасных кинолент,
Где даже подвиг показушный.

Не будет встреч за стаканом,
Не будет слёз, воспоминаний,
И всё окажется лишь сном,
Что соткан из людских страданий.

И вся ушедшая война
На полку ляжет толстой книгой,
А тот, кто грязь месил сполна,
Останется с большою фигой.

Его награды сыновья,
А может быть, родные внуки
Снесут на рынок для жулья,
И не отсохнут у них руки.

10 мая 1998 года

ПРЕДВЫБОРНАЯ БОРЬБА

Скоро выборы в России
Нам с тобою предстоят,
И «достойные» мессии
Собирают компромат.

Бьют друг друга по мордасам,
Шьют судебные дела,
Чёрной краской всех покрасят
И разденут догола.

Понаставят камер в бане
Иль в каком-то гараже,
И снимают Ваню с Маней,
И, конечно, неглиже.

Чтоб потом их на экране
Показать для всей страны,
Как в горячечном тумане
Развлекаются они.

Мажут белым, мажут чёрным,
Мажут старых и юнцов,
Компроматом бьют позорным,
Честных бьют и подлецов.

Стать «спасителем» народа
Норовит и друг, и враг,
В воду лезть, не зная броду,
Может только лишь дурак.

Чёрен свет в конце туннеля,
Тёмны помыслы людей,
Данко нет, и лишь Емеля
Бродит с щукой своей.

Октябрь-ноябрь 1999 года

«АКЦИОНЕРНАЯ» ЛЮБОВЬ

Я с ними сроднился, душой прикипел,
Расстаться нет горше печали,
Хоть с них ничего получить не сумел,
Любимыми акции стали.

Люблю я их больше отца или мать,
Сильнее друзей – однозначно.
Пусть знаю, от них уже нечего ждать,
На жизнь не смотрю столь уж мрачно.

С продажей, директор, прошу, не морочь,
Оставь хоть какую надежду,
Ведь если раздунут нас в тёмную ночь,
Они нам заменят одежду.

И в серой юдоли теперешних дней,
Когда мы в тоске и тревоге
Под гнётом житейских и тяжких цепей
Бредем вдоль по грязной дороге,

Они лишь одни путеводной звездой
Нам правильный путь указывают,
И если раздели нас тёмной порой,
То в следущий раз и разуют.

Пока мы на общем собраныи «друзей»
На шею хомут выбирали,
Вдруг выползли змеи из разных щелей,
И доиста нас оббрали.

1999 год

Собрание акционеров на заводе «Красный выборжец»

У К А З

Здоровья, Боже, ниспошли
Отцам Отечества, всем сразу:
Теперь живём, как короли,
Согласно ~~вашему~~ ^{всему} указу.

✓

Он приравнял нас ~~всех~~ к «богам»
У этой «царственной» кормушки;
Осталось, правда, жизни нам
Совсем немного до «хлопушки».

✓

А сколько нас осталось здесь,
Несчастных, сирых и убогих?
По пальцам можно перечесть
Калек безруких и безногих,

Всех жалких, старых и больных,
Свойной повенчанных проклятой,
Глухих, безногих и слепых,
Чья жизнь в аду была их платой.

✓

И много ль дожило ^{всех} здесь нас
До этой самой «благодати»,
Когда вдруг грянул сей указ,
Который был живым лишь кстати.

А мёртвым он и ни к чему,
Хоть завали весь холм цветами,
Они ушли от нас во тьму,
И только в памяти все с нами.

Май 2001 года
Блокадников приравняли к участникам войны.

* * *

Когда молчать нет больше силы,
Когда лютует злобный враг,
Когда, я знаю, до могилы
Всего один короткий шаг,

Когда за Правду светят нары,
Когда судебный беспредел
Готовит подлые удары –
Тюрьму и лагерный удел,

Когда за истину святую
В борьбе встаёт и стар и млад,—
Принять не бойся кару злую,
И с ними вместе встань в их ряд.

2001 год

И УДЫ

О, сколько на земле живёт средь нас иуд,
С которых всё ещё не сорваны покровы,
И им не страшен даже Страшный суд,
Они на всё уже давно готовы.

Они готовы на любой обман,
Готовы на любое преступленье,
Перебежать готовы в вражий стан
Для собственного жалкого спасенья.

Они готовы всё и вся предать,
Готовы на подлог, на подлость, на измену,
Они готовы кем угодно стать,
Лишь дали бы за то хорошую им цену.

Ещё вчера в ГБ иль, может, в ГРУ
Они служили Родине, Отчизне,
Ловили, может быть, агентов ЦРУ,
Подчас рискуя собственную жизнью.

Но вот уйдя от дел ~~тех~~^{без} на покой,
Забыли тотчас долг свой и присягу.
Покинув край, когда-то им родной,
К своим «друзьям» на Запад дали тягу.

И даже там, в стране для них чужой,
Всех тех людей, кого завербовали,
Как и они, ушедших на покой,
За доллары Америке продали.

Шпионы наши получили срок,
На то не нужно никаких лицензий,
Ну, а ГБ оттёрла тот плевок – *(ГБ спокойно сорвала тот плевок)*
Раз нет страны, то нет к ним и претензий.

А что же наши «добрые» друзья,
Вновь испечённые продажные иуды?
Иуда хоть повесился не зря,
А эти – нет, они живут, паскуды.

2001 год

ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ

* * *

«Судьба как улочка легка,
Гуляет по весне хмельная»
В. Бутенко*

Вам не понятен сердца жар,
А тот особый нежный трепет
Вас не волнует, божий дар
Вы превратили в детский лепет.

Интересует вас одно:
Была бы куртка из вельвета,
Зарплата, пиво да вино,
А в дни получки рядом Света...

Готовы вы весь мир обнять,
Не только Свету с тонким станом,
Ещё б девчонок двадцать пять –
И прослывёте Дон Жуаном.

Судьба, как улочка легка,
Гуляет по весне хмельная,
Захочешь выпить там пивка –
Иди налево, там пивная.

Направо – винный магазин
И кучка пьяниц у порога.
Ступайте к ним, Вениамин,
Судить не будут слишком строго.

1978 год

* Первая пародия написана на стихотворение Вениамина Бутенко о куртке из вельвета, купив которую, он идет с другом обмывать её в стационарный буфет, а также на некоторые другие его стихи.

* * *

«Поэзия – трёхпалый свист»
Виктор Боков

Ошарашу трёхпалым свистом
Ранним утром я белый свет.
На селе я был гармонистом,
А теперь я – великий поэт.

Свистну я – затрепещут волки,
А лисицы, поджав хвосты,
Бросят зайца у старой ёлки,
Улизнут от меня в кусты.

А под вечер, как стихнут гармони,
Выйду я на реку Оять,
В рот засуну обе ладони,
Стану свистом девок пугать.

Ветерок пробежит по дубраве,
Задрожит дрожмя жёлтый лист...
А пошлю-ка стихи я к той маме,
Перейду я лучше на свист.

1984 год

* * *

«Однажды Пушкин ночью мне явился»
Владимир Соколов

Однажды ночью Пушкин мне явился,
А следом Лермонтов зашёл на огонёк,
И третий гость из тьмы вдруг появился –
Сам знаменитый Александр Блок.

Они пришли и сели у постели,
Их взгляды были мрачны и лихи:
«Твои стихи нам страшно надоели,
Кончай писать, замаливай грехи.

Молись же Богу, нечестивец жалкий,
Готов за них ты злую смерть принять?»
И подписал я в страхе из-под палки,
Что более не буду сочинять.

Они ушли, растаяли во мраке,
Проснулся я в холодном весь поту.
С надрывом где-то лаяли собаки,
И было мне совсем невмоготу.

Но выпил я стакана два горилки,
Свои стихи я вновь перечитал
И понял, что вся истина в бутылке,
Которую ещё не открывал.

1985 год

П О Э Т – В О Р

«Поэт на то и звук, и цвет,
Чтоб лезть в карман природе».

«К груди природы припади,
Звезды достигни разом!
Развоплотившись, воплоти
Предчувствие и разум».

Владимир Соколов

Нам с детства внушили, что грех воровать,
И я не люблю эти драмы,
Но если поэтом захочешь ты стать,
Забудь наставления мамы.

Забудь все советы и смело воруй,
Никто тебя не осудит,
У девушки милой сорви поцелуй,
Улыбка наградою будет.

Залезешь к природе в зелёный карман –
Не надо дрожать там от страха,
Какой-нибудь птахе поставишь стакан,
И будет довольною птаха.

Всем телом к природе, мой друг, припади,
Попутно обшарь все карманы,
Ручей безымянный у ней укради,
Все реки, моря, океаны.

Но если кто схватит за руку спяна
И бить будет ~~зубами~~ долго ногами,
Кричи, что заплатишь народу сполна,
Но только... своими стихами.

V

1982 год

* * *

А. Невзорову

Любимец публики и баловень судьбы,
Любитель приключений, показухи,
Всегда сухим он выйдет из воды,
Всегда слона он сделает из мухи.

24 февраля 1991 года

* * *

А. Невзорову

Он, как всегда, воюет с тенью,
Живых людей в сценарии нет;
Когда-то близок был он к пенью,
Теперь же перешёл в балет.

Танцует танцы с автоматом,
Но как он обожает лесть!
Мне говорят: «Ума палата»,
Но та палата номер шесть.

1991 год

* * *

Б. Ельцину

Как начинал, о Боже правый!
Как будто он – искусный врач.
Хотел он вылечить Державу,
А кончил кровью, как палач.

Октябрь 1995 года

* * *

Г. Явлинскому

Безгрешен только тот,
кто жизнь прожил без дела.
Не нажил он друзей,
не нажил и врагов.

Пуста его душа,
зато ругает смело,

И поучать других
он завсегда готов.

Испачкаться боязнь
над ним всегда ~~дразн~~влеет,

Мозолей на руках
ты не ищи, их нет.

Мозоль на языке –
вот всё, что он имеет,
И более нигде
свой не оставил след.

19 декабря 1999 года

• * * *

• Г. Зюганову

Опять твердит
любимый мой герой
Свой монолог,
глядя с телевизора,
И вдаль зовет
нас, бедных, за собой
Словами лжи
и низкого обмана.

Он предлагает тот же
рай земной
С бесплатным сыром
в той же мышеловке,
И счастье для страны
моей родной
В коммунистической
колючей упаковке.

И люди верят
в тот обман,
Послушно опускают
бюллетени,
Чтоб снова воротился
к нам бедлам,
Тот, что в семнадцатом
^{народ}решил построить Ленин.
2000 год

✓

* * *

С. Михалкову, *членом комиссии*

Напрасно слюнявил поэт свою оду,
Запомнят лишь то, что он молотом вбил:
«Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

2000 год

* * *

• А. М-ой

В какие ты одежды не рядись,
Какие на себя не одевай личины,
Хоть трижды в жизни сей перекрестись,
Выдумывая разные причины,

Не будешь ты от этого умней,
Судьбу свою так просто не обманешь,
И если ты была змеи коварной злей,
То вряд ли с возрастом её добреे станешь.

Февраль 2000 года

* * *

Раздел Думы

О, как прекрасен ваш союз:
Три чудных крысы и...арбуз.
20 января 2000 года

Ему ножи мортиз задав-
ли конек, а на уродов
воне он забылся созн-
анием зла и предупреждения
и в результате ~~быстро~~
~~быстро~~ ~~быстро~~ ~~быстро~~ ~~быстро~~ ~~быстро~~
убил. Мой герой: "Не убивай
никого". Но я убил
Козака, то же было
из упомянутых трех обидчиков
один ~~убийца~~, Курасов, и я ~~также~~
старался в своем сознании изло-
жить свою злость на никого
менее. Я не был злобным уродом
который боялся: не соуда,
а крутих и опасных дел
но боялся с реальностью, не злобы,
а не реагировал на любые
возможные, не прогнозируемые
и предвидимые и тем не менее
и опасные для него, а мене-
е опасные спорные решения по
ст. 80 ч. 1 УК РСФСР. В мае
1981 я бы хотелось соз-
наться, что моя злость и злоба
не "В" а на бывшего моего началь-
ника КГБ. Тогда бы я и
до 1981 бы хотелось сознать
и в том ~~сознание~~ ~~сознание~~
и вот за то сознать и понять
что я не злобен и злобен
никто и я злобен.

От автора

Этой книги можно не достичь,
если бы не настойчивое
множество друзей журналистов
журнала "Родина" Валерия
Степановича и Тимура Чемоли-
нова Тихорецких. За это я им
скажу благодарен.

Я очень ~~хотя бы~~ просил ~~о себе~~
~~меня~~ о себе написать хорошие
слова этого Елены Тихорецкой,
которые отражаются
в предисловии.

Я благодарен Дударевой Татьяне
Басиной за ^{натягивает} переработку и оформление
этой книги, а также за помощь
в издании ее журналистами
журнала "Морской флот Таганрога"
и Регионовой Елене.

После Раевы Ганзасов в сбоде
на первом же заседании "С 7883,"
сказал, что "люди не должны
быть настолько скучны бранить"
и потому ^{хотя бы} это так. Он не
должен был вынести с собой
в обществе и союз ~~под~~ не.
Но наши, кроме всего упомянутого,
убеждали присутствующих что
супружеское не может не быть
важнее и ее надо и несет
скучно говорить, не может
продолжать свою нет аргументы
личных, если говорят, чтобы
такие эти слова

От автора.

Поэт Расул Гамзатов в своём интервью «Литературной газете» в 1983 году сказал: «Поэт не должен быть тенью своего времени». Я же понимаю роль поэта так: он не должен вмешиваться в схватку в обществе и стоять над ней. Но поэт является гражданином своей страны и не может не откликаться на все беды и несчастья своего народа, не может проходить мимо тех преступлений, которые творят правители его страны. Если поэт молчит, значит он согласен, а на правовом языке он является соучастником этих преступлений и в равной степени должен ответить вместе с преступниками. Мой девиз – «Не проходить мимо». «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», – сказал Некрасов, и чётко старался в своих стихах следовать этому завету великого поэта. Я не был борцом против режима Брежнева: не состоял в кружках и организациях по борьбе с режимом, не писал воззваний, не призывал публично к свободе, и тем не менее оказался в тюрьме, а потом в лагере строгого режима по диссидентской 70-ой статье УК РСФСР. В мае¹⁹⁸¹ года я дал почитать свои стихотворения моему «приятелю», а он благополучно сдал меня КГБ. Почти все стихи, написанные мною до 1981 года включительно, состояли в том «арестованном» списке, предъявленном мне в качестве обвинения в подрыве государственного строя. И вот за 15 стихов я получил свой срок. Стихи я продолжал писать и в лагере. В сборнике представлены стихотворения, написанные мною как до «отсидки», так и в лагерях, и в последующие годы.

Этой книги могло бы не быть, если бы не настойчивость моих друзей из журнала «Родина» Леонида Степановича и Тамары Ивановны Питерских. Я был рад прочесть о себе такое хорошее мнение поэта Елены Тубянской. Я благодарен Галине Васильевне Дударевой за набор текстов книги и их редактирование, а также за помощь в её издании сотрудникам НИЦ «Мемориала» Татьяне Моргачёвой и Ирине Флиге.

Борис Миркин

Самостоятельные представления
в зоопарке.

~~Сергей В~~ подсчитал
и изменил представления
Верховного суда Российской
федерации в марте 1980 г.
^{8.1984}

Новые показания зоопарка подсчитаны
на основе здешней кр. борьбы
и упрощены в интересах
одного зоопарка. Всё остальное
подтверждено. Единственное
исключение в зоопарке
запомнилось

его
непрекращающейся

активности

Приложение

Апелляция

Судебный заседание

1984 г.

- 1) Тезисы о превосходстве
- 2) Тезисы и т.д.
- 3) Мотивы и т.д. и т.д.
- 4) Доказательства
- 5) Тезисы
- 6) а) Магнитные магниты...
б) Всё неизвестно...
- 7) а) Всё неизвестно...
- 8)

(45)

Судьба как зеркало
Глянет, но нее не
Судьба, как зеркало нее
Глянет | Несколько строк из оригинала Булгако-
ва венецианской прозы В. Булгаков *
Все не погоди
сегодня мир,
А моя особой
несколько строк
Все не вспомни,
Былый мир
Все превратишь
в демоний член.

Интересует все одно:
Помнит ^{от} кураша из Воровки
Зеркало, что же было,
А в дни погрома редки Света.
Томorrow все весь мир оденет,
Ни живых Света
С толпами сидят
Еще в девяносто звездчато -
И прославление Дон Жуана.

Судьба, как зеркало, нее
Глянет но нее нее
Зеркало все нее нее
Что нее то и нее
Несправедливое нее

и курица на зиму у первого.

Со временем же они, Венецианцы,
ссыпали не бусы
Синий супор.

1978 г. № 36

Пародия на письмо в 1978 г.
в связи с перенесенной

*
кою, а не кончавшуюся
разграблением. Россия "Венеция"
имела Трубников. Гравюра
настала не раз переделана и счи-
тила заслугой. Важно в
своих союзах, но не в том, сколько
имеет о том, 200 или более
многих человек о чём бы то
ни было и как бы то, подумав
и поговорив. Четыре
небудущие Курокузы и четырёх
с группами стоящими до сих пор
и чинущими судопроизводство
были приданы всем по 2-3
каждому. Вот и, сидя под
которым изображением, не это
составляло, а когда так звали
личащих его союзников перенесли
Начинали перенос.